

Автор: Башевис-Зингер Исаак

Переводчик: Ольга Мязотс

НАЗВАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ:

**День исполнения желаний: Рассказы о мальчике, выросшем в
Варшаве**

Кто я ?

Я родился в городке Радзимице, недалеко от Варшавы, столицы Польши, 14 июля 1904 года. Мой отец, Пинхас Менахем Зингер, был раввином и очень религиозным человеком. У него были голубые глаза, рыжая борода и длинные черные пейсы. Моя мать, Батшеба, дочь раввина из Билгорая, что неподалеку от Люблина, тоже была рыжеволосой. Как и положено благочестивой замужней еврейке, она коротко стриглась и носила парик.

В начале 1908 года, когда мне исполнилось три, наша семья переехала из Радзимицы в Варшаву. Там отец стал раввином на одной из самых бедных улиц — Крохмальной. Дом, в котором я вырос, теперь назвали бы трущобой, но в те дни он казался не таким уж плохим. По вечерам мы зажигали в квартире керосиновую лампу. Такие удобства, как горячая вода и ванна, были нам неизвестны, а туалет находился во дворе.

На Крохмальной жили в основном бедные лавочники и разнорабочие, попадались среди местных обитателей как образованные люди, так, впрочем, и уличная голытьба, воры и мошенники.

Когда мне исполнилось четыре, я пошел в хедер. Каждое утро за мной заходил учитель и вел меня в школу. Я брал с собой молитвенник, а позже Библию или том Талмуда. Это были единственные мои школьные учебники. В хедере нас в основном учили молиться и читать Пятикнижие. А еще — писать на идише. У моего первого учителя была длинная белая борода.

Когда мы переехали в Варшаву, мой младший братишка, Моше, был еще совсем маленький, сестра, Гинде Эстер, — старше меня на тринадцать лет, а другой брат, Израиль Иошуа, — на одиннадцать. Все мы, кроме Моше, стали впоследствии писателями. Брат, так же как и я, писал на идише. Его роман «Братья Ашкенази» переведен на несколько языков, в том числе и на английский.

В нашем доме царил культ учения. Отец целыми днями сидел над Талмудом. Мать, едва у нее выдавалась свободная минутка, открывала какую-нибудь религиозную книгу. У других детей были игрушки, а мне их заменяли книги моего отца. Я начал «писать» еще до того, как выучил буквы: макал перо в чернила и водил им по бумаге. Шаббат был для меня сущим мучением, ведь в этот день писать запрещалось.

В квартире на Крохмальной мой отец вершил раввинский суд. Жители нашей улицы обращались к нему за советом или для того, чтобы он рассудил их спор по законам Торы. В те времена у евреев раввин решал не только религиозные, но и мирские вопросы. По сути, отец был одновременно и раввином, и судьей, и духовным наставником. Приходили к нему и просто, чтобы излить душу. Он председательствовал на свадьбах, которые тоже совершались в нашей квартире, а иногда давал разрешение на развод.

Я рос любознательным. Наблюдал за взрослыми, прислушивался к разговорам, хоть и не все в них понимал.

Очень рано я стал задавать себе вопросы: что случится, если птица все время будет лететь в одну сторону? А что будет, если построить лестницу от земли до неба? Что было до сотворения мира? Есть ли у времени начало? И с чего тогда оно началось? Есть ли предел у пространства? И как может быть у пространства конец, раз оно — пустота?

Произведение нашёл и прислал на конкурс ученик 1 класса ГБОУ Школа

“Технологии обучения” г. Москвы

Свирин Александр